

Каталония в рамках Испанской монархии: от Католических королей до войны за испанское наследство
Catalonia within the Spanish Monarchy: from the Catholic Kings to the War of the Spanish Succession

Филатов Георгий Андреевич

*кандидат исторических наук,
Институт всеобщей истории РАН.*

Filatov Georgy

PhD (History),

Institute of World History, Russian Academy of Sciences.

Mail: georgefilatov@gmail.com;

ORCID: 0000-0001-5964-2209

Аннотация: После объединения Кастилии и Арагона в конце XV в. Каталония на протяжении двух столетий сохраняла широкую автономию. Это связано как с историческими предпосылками, так и политической ситуаций на Пиренейском полуострове в XVI-XVII вв. Еще с момента вхождения в состав Арагонской короны в XII в. Каталония обладала самоуправлением, которое гарантировалось и после брака Изабеллы Кастильской и Фернандо Арагонского. Предпринимаемые ими и их преемниками попытки унифицировать подвластные земли не были последовательны, так как в этом не было острой необходимости: Кастилия вместе с колониями обеспечивала достаточно ресурсов для проведения внешней политики. С началом Тридцатилетней войны этих ресурсов перестало хватать, что подтолкнуло испанских монархов

к проведению более активной централизаторской политики. Каталония ответила восстанием, в ходе которого перешла под власть французского короля. После десяти лет борьбы Филиппу IV удалось вернуть почти весь мятежный регион. Несмотря на измену каталонских органов самоуправления, испанская монархия решила сохранить каталонские привилегии, чтобы обеспечить лояльность региона в условиях продолжавшегося противостояния с Францией.

Ключевые слова: Испания, Каталония, Война жнецов, Тридцатилетняя война, женералитат

Abstract: Catalonia maintained broad autonomy for 200 years after the unification of Castile and Aragon at the end of the 15th century. It was determined both by historical background and by the political situation on the Iberian Peninsula. Ever since joining the Crown of Aragon in the 12th century, Catalonia had self-government, which was guaranteed after the marriage of Isabella of Castile and Fernando of Aragon. Their and their successors' attempts to unify the subject lands were not consistent, since there was no urgent need for the centralization. Castile and its colonies provided sufficient resources for foreign policy. After the outbreak of the Thirty Years' War, these resources were no longer enough, and the Spanish monarchs began to pursue a more active centralization policy. Catalonia responded with an uprising, which led to its transition under the French rule. After ten years of struggle, Philip IV managed to win back almost the entire rebellious region. Despite the treason, the Spanish monarchy decided to maintain Catalan privileges in order to ensure the loyalty of the region in the face of the ongoing confrontation with France.

Key words: Spain, Catalonia, Reaper's War, Thirty Years' War, Generalitat

---

DOI: 10.32608/2305-8773-2024-41-1-39-55

Дата публикации: 27.03.2024

Ссылка для цитирования:

Филатов Г.А. Каталония в рамках Испанской монархии: от Католических королей до войны за испанское наследство // Латиноамериканский исторический альманах. 2024. № 41. С. 39-55. DOI: 10.32608/2305-8773-2024-41-1-39-55

Специфика возникновения унии Кастилии и Арагона в конце XV в. на два столетия определила особое положение Каталонии среди других владений Габсбургской монархии. Широкая автономия региона позволяла ему поддерживать свой уклад политической и культурной жизни. Обладая собственными органами самоуправления, Каталония, по сути, представляла собой отдельное государство, объединенное с Кастилией лишь общим монархом. Короли из династии Габсбургов без особых успехов пытались усилить контроль над этой областью, и лишь при Бурбонах Каталония потеряла свои права. В данной статье будет рассмотрено, каким образом ей удавалось на протяжении более чем двух веков сохранять автономию.

Современная Каталония возникла из сонма территорий на южном склоне Пиренейских гор. Эти земли силы франкского правителя Карла Великого отбили у мавров в конце VIII в. н. э. Они получили название Испанская марка и были призваны сдерживать возможную экспансию мусульман на север. По мере того, как франкское королевство погружалось в пучины междоусобных конфликтов, приведших в итоге к его распаду, запиренейские территории получали все большую самостоятельность. Среди них выделилось несколько центров. На востоке лидирующих позиций к XII в. добилось графство Барселонское, а на западе — королевство Арагон. В 1137 г. граф Барселонский Рамон Беренгер IV женился на наследнице арагонского престоле Петрониле. Их брак создал новое политическое образование — Арагонскую корону. В ходе Реконкисты ее владения расширились на юг путем присоединения Валенсии и на восток: в Средиземном море были завоеваны Балеарские острова, Сардиния, Сицилия и Неаполитанское королевство. Несмотря на обширность земель, все они сохраняли самостоятельность: собственные органы управления, средневековые парламенты и

законы¹. По схожему принципу во второй половине XV в. Арагон объединился с Кастилией путем брака между Фернандо Арагонским и Изабеллой Кастильской. В результате этого союза на Пиренейском полуострове появилось государство, которое историки обычно характеризуют как композитарную монархию².

Отличительной особенностью возникшего образования была не просто самостоятельность составных частей, но их почти полная независимость. Кастилия и Арагон представляли собой, в сущности, отдельные государства с собственными органами управления, законодательной и денежной системами, таможенными барьерами. При этом, в отличие от централизованной Кастилии, Арагон был конфедерацией: ее ядро составляли одноименное королевство, а также Каталония и Валенсия. С возникновением единой монархии все эти земли сохранили права и привилегии: например, чеканили свои монеты. Но если деньги отдельных регионов постепенно теряли значение, так как все большую роль играла кастильская валюта — главное средство торговли между частями Арагонской короны³, то остальные атрибуты автономии (прежде всего, органы самоуправления) ревностно оберегались. Конгломерат земель был скреплен исключительно тем, что во главе оказалась одна династия. Хрупкость этого единства стала очевидна после смерти Изабеллы в 1504 г., когда уния фактически прекратила существование. Лишь благодаря стечению обстоятельств и сложным интригам внук Католических королей Карл смог унаследовать трон и Арагона, и Кастилии, став первым единым правителем Испанской монархии. Правда, сам процесс восшествия на престол стал еще одним свидетельством раздробленности доставшихся Карлу владений. Если в Кастилии он короновался однократно, то в Арагоне ему пришлось вступать на престол в каждой его части. Отличался и смысл церемонии: если в Кастилии кортесы присяга-

---

¹ Sabaté i Curull, 2010.

² Guerrero Navarrete, 2004.

³ Mateos Royo, 2011. P. 207.

ли королю на верность⁴, то в землях Арагонской короны монарх клялся соблюдать их права и привилегии⁵.

В последующие годы Кастилия стала политическим центром Испанской монархии. Этому способствовал ряд факторов. Эта часть государства была более централизована, чем Арагон, она была более населенной, а следовательно, имела больше ресурсов. Экономическое превосходство Кастилии усилилось после захвата земель в Новом Свете: именно она осваивала богатства новых территорий. К тому же кастильские монархи пользовались почти абсолютной властью: роль кортесов после подавления восстания комунерос (1520–1522) стала номинальной⁶. Несмотря на то, что к концу XVI в. именно эта часть Габсбургской монархии заняла главенствующее положение, большого недовольства в других землях это до поры до времени не вызывало. Возрастание роли Кастилии не сопровождалось унификацией подвластных Габсбургам территорий. Они по-прежнему обладали политической, юридической и культурной автономией, оставаясь фактически отдельными государствами. Не было создано единых институтов управления, сохранялись таможи. Элиты отдельных территорий не испытывали опасений, что им придется конкурировать с представителями Кастилии во властных структурах региона. Различные договоры, заключенные между Католическими монархами, определяли, что должности в землях Кастилии и Арагона могут получать только уроженцы этих земель⁷. С одной стороны, благодаря этому каталонская элита гарантировала свое положение, с другой — ее представители не могли получить место в Кастилии. Следовательно, у нее было меньше возможности продвинуться при королевском дворе, который при Филиппе II окончательно обосновался в Кастилии. В результате испанские Габсбурги и их окружение оказались связаны в первую очередь с Кастилией: именно там распо-

---

⁴ Carretero Zamora, 2005.

⁵ Serrano Daura, 2018. Pp. 142–143.

⁶ Jerez, 2007.

⁷ Clemente Pérez, 2019. P. 83.

лагалась столица, а выходцев из Каталонии при дворе почти не было.

Несмотря на композитарный характер Испанской монархии, в рамках которой отдельные земли сохраняли институциональную самостоятельность, постепенно начинали формироваться общеиспанские органы. Одним из первых таких примеров может служить инквизиция, созданная Католическими королями в конце XV в. в Кастилии и в Арагоне. Хотя в арагонских землях этот институт существовал еще с XIII в., Изабелла и Фернандо придали ему новый смысл. Если прежде инквизиция напрямую подчинялась папе римскому, то теперь она стала инструментом испанских монархов, политическим органом королевской власти, единым для всех владений⁸. В 1483 г. Томас де Торквемада был назначен великим инквизитором как для Кастилии, так и для Арагона. В Каталонии, как и в других землях Арагонской короны, введение инквизиции вызвало протесты. Порой они приобретали радикальный характер: в 1485 г. был убит инквизитор Педро де Арбуес (Pedro de Arbúes)⁹. Чаше недовольство выражалось в более мирных акциях: например, местные органы власти (женералитат) игнорировали приглашения на аутодафе. Обычным делом стали многочисленные жалобы со стороны каталонцев на деятельность инквизиции и требования ввести ее деятельность в рамки каталонских правовых традиций: в частности, заставить инквизиторов присягать местным законам или ограничить их деятельность исключительно вопросами религии¹⁰. В тех случаях, когда конфликты между каталонскими органами власти и инквизицией приобретали неприятный оборот, монарху или его представителям приходилось вмешиваться. Обычно ситуация разрешалась компромиссом, нередко король шел навстречу требованиям каталонцев. Так, в 1568 г. в противостоянии женералитата и церковных прелатов, не желавших платить местные налоги, Филипп II встал на сторону каталонских подданных и частично ограничил права инквизиции во

---

⁸ Escudero López, 2015. P. 13.

⁹ García Cárcel, 1998. P. 153.

¹⁰ Blázquez Miguel, 1993.

всех арагонских землях. Уступки не разрешали сути конфликта, так как в их основе был спор о сферах компетенций двух органов: местного самоуправления и королевского. Поэтому разногласия периодически вспыхивали вновь по разным поводам. Их вполне уместно воспринимать как проявление недовольства централизаторским характером инквизиции, находившейся в прямом подчинении короля и независимой от местных органов власти. Тем не менее обычно проблемы удавалось разрешать в русле существовавших практик, то есть при арбитраже короля, так как инквизиция все же не претендовала на полное ограничение власти генералитета или на ограничение каталонских прав и привилегий. Неразрешимым конфликт стал в тот момент, когда появилась реальная перспектива распространения кастильских законов на Каталонию. Тогда недовольство вылилось в мощное восстание против Испанской монархии и едва не привело к потере всего региона.

В первой половине XVII в. испанская монархия исчерпала те возможности, которые предоставляла ей композитарная форма устройства с широкой автономией отдельных территорий. Ресурсов, как материальных, так и людских, перестало хватать. Проблема особенно обострилась на фоне начавшейся в 1618 г. Тридцатилетней войны, в которую Испания, как одна из ведущих европейских держав, оказалась вовлечена. Участие в общеевропейском конфликте требовало значительно большего потенциала, чем тот, которым располагала Кастилия — основной поставщик и солдат, и денег для короны. В связи с этим фаворит Филиппа IV герцог Оливарес в середине 1620-х гг. выдвинул проект военного союза, который позволял бы распределить бремя военных расходов между всеми многочисленными землями испанских Габсбургов. Он предполагал собрать армию в 140 тысяч человек, из них 16 тысяч должна была выставить Каталония. Помимо этого, от нее требовалась значительная денежная субсидия, вчетверо больше последней, выделенной в 1599 г. Само по себе выставить солдат и дать денег монарху не являлось большой проблемой — так бывало и раньше. Для этого было необходимо одобрение местных кортесов, которое можно было получить, хотя и не без труда. Однако в этот раз

каталонские кортесы не уступили просьбе монарха. Дело в том, что проект, подготовленный Оливаресом, предполагал, что экстраординарные меры превратятся в регулярные¹¹. Неудивительно, что он вызвал сопротивление. Кортесы Каталонии в последний раз собирались в 1599 г., и с тех пор у местной элиты накопилось немало собственных просьб к королю. Важнейшей была идея учреждения своеобразного «конституционного суда», который бы разрешал споры между королевской властью и каталонцами¹². То есть, по сути, предполагалось ограничить полномочия представителей монарха и усилить местные органы власти, что явно противоречило желанию Мадрида укрепить контроль над Каталонией. Король отказался от этих предложений, а каталонские кортесы в ответ не согласились ни дать денег, ни предоставить солдат Филиппу IV. Ситуация повторилась в 1632 г., когда в условиях продолжающейся нужды Оливарес снова убедил короля попробовать уговорить каталонцев увеличить свое участие в войнах, которые вел монарх¹³. В результате к началу полномасштабной войны с Францией в 1635 г. испанская монархия могла полагаться лишь на те источники ресурсов, которые она и так использовала уже на протяжении столетия.

Начало войны с Францией превратило земли Каталонии в прифронтовую зону. Регион смог уклониться от поставки рекрутов, так как считал начавшийся конфликт войной Кастилии и Франции, а по старым законам выставлять войска должен был лишь в случае нападения врага на его территорию. Несмотря на стремление минимизировать участие в боевых действиях, полностью избежать бремени войны Каталония не могла, что сразу же вылилось в новую череду конфликтов между монархом и органами местного самоуправления. В 1639 г. Оливарес в приказном порядке потребовал от региона экстраординарной выплаты на ремонт приграничных крепостей, но генералитат сообщил, что, согласно законам, одобрить эту выплату могут

---

¹¹ Solano Camón, 1987. P. 70.

¹² Villanueva López, 1995.

¹³ García Sánchez, 2008.

лишь кортесы. Другой проблемой, которая обостряла отношения центра и Каталонии, стала контрабанда. Из-за войны торговли с Францией была запрещена, но поток товаров не прекратился. Борьба с контрабандой стала новым полем противостояния между каталонскими институтами и королевскими чиновниками¹⁴. Напряжение нарастало и к 1640 г. дошло до того, что наиболее активных каталонских деятелей начали сажать в тюрьму. В частности, в заключении оказался депутат Франсеск де Тамарит (Francesc de Tamarit).

Источником проблем были и непосредственно боевые действия. Кастильские войска были размещены на территории Каталонии, что стало причиной ряда конфликтов. Мадрид настаивал на том, что обеспечивать войска должны те земли, где они расквартированы. Женералитат, исходя из каталонских законов, считал, что солдатам следует предоставить лишь «крышу над головой, кровать, стол, воду и соль»¹⁵. Постой солдат вызывал напряженность не только в отношениях между монархом и органами самоуправления, состоящими в основном из представителей элиты. Недовольны были простые каталонцы, в первую очередь крестьяне, которые и должны были содержать солдат за свой счет. Таким образом, Мадрид в лице Оливареса допустил серьезную ошибку: он настроил против себя как местную элиту, пытаясь ограничить права и привилегии Каталонии, так и крестьян, которые страдали от необходимости содержать солдат. В результате разные слои населения региона оказались объединены общим недовольством Кастилией, что вылилось в масштабное восстание.

Началось оно с выступления крестьян, которое летом 1640 г. охватило не только сельскую местность, но и крупные города. Во время религиозного праздника Тела и Крови Христовых в Барселону прибыли толпы жнецов. По-каталонски их называют els Segadors, поэтому последующие события получили название Сегадорского восстания, или Войны жнецов. Крестьяне начали громить город и убивать представителей королевской власти.

---

¹⁴ Capdevila Muntadas, 2018. P. 225.

¹⁵ Elliott, 2014. P. 300.

Был убит вице-король Каталонии Санта Колома и освобожден оказавшийся в тюрьме Тамарит. Королевская администрация, по сути, потеряла инструменты гражданского управления регионом. Контроль сохранился лишь над теми местами, где оставались войска. С XIX в. в символике каталонских националистов используется множество элементов, связанных с этим восстанием, а песня «Жнецы» (Els Segadors) сейчас является гимном этой части Испании¹⁶.

После начала восстания генералитат, возглавляемый прелатом Пау Кларисом, начал сложную переписку с двором монарха, уговаривая его вывести кастильские войска с территории Каталонии, так как это было единственным средством успокоить регион. Власти отвечали, что это невозможно из-за угрозы французского вторжения, и одновременно готовили новые силы для успокоения мятежников¹⁷. Мадрид явно не собирался отступать от своих планов, поэтому Пау Кларис активизировал переговоры с Францией, которые начались еще в марте, за три месяца до крестьянского восстания¹⁸. В сентябре было заключено соглашение (Pacto de Ceret), по которому Париж направлял в Каталонию вооруженные силы на борьбу с кастильцами¹⁹. В ноябре кастильские войска приступили к усмирению Каталонии. В ответ собравшиеся в Барселоне представители сословий (Junta de Braços) 16 января 1641 г. провозгласили Каталонскую республику под защитой французского короля. Но уже 23 января, когда войска Филиппа IV подошли к стенам Барселоны, каталонские сословия присягнули Людовику XIII. Французская армия, которой помогало местное ополчение, отстояла столицу. Заплатить за помощь Парижа пришлось дорого, так как в результате Каталония стала, по сути, частью Французского королевства.

Каталонская элита старалась преподнести это событие как свободный выбор, как личную унию Каталонии и Людовика

---

¹⁶ О символике каталонского национализме см.: Кузина, 2021.

¹⁷ Подробнее об этой переписке см.: García Cárcel, 1980.

¹⁸ Florensa i Soler, 2004. P.81.

¹⁹ Elliott, 2014. P. 357.

XIII. Эту же идею повторяет и современная каталонская историография националистического характера, характеризуя это событие как добровольный выбор независимого государства: находясь под угрозой иностранного вторжения, оно просит помощи у соседней державы. Примечательно, что во французской историографии популярна интерпретация событий 1640–1641 гг. как завоевания региона²⁰.

Формально, согласно пакту, подписанному в сентябре 1641 г., Людовик XIII сохранял административный и политический уклад региона с широкими правами автономии. Более того, новый монарх соглашался дополнить привилегии Каталонии в соответствии с теми пожеланиями, которые высказывала каталонская элита в предыдущие годы, обращаясь к Филиппу IV. В частности, предполагалось отменить выплату пятой части муниципальных налогов королевской администрации, ограничить юрисдикцию инквизиции вопросами веры, урегулировать вопрос квартирования войск²¹. На первых порах казалось, что данные обещания и гарантии будут соблюдаться. Первый французский вице-король Каталонии Юрбен де Майе по прибытии в регион присягнул каталонским законам. Все протокольные формы, подчеркивающие самостоятельность местных органов власти, соблюдались.

Лояльность каталонской элиты новому правителю в первые годы французского владычества укрепляло появление новых карьерных перспектив: в связи с исчезновением старой власти и эмиграции ее сторонников началось перераспределение должностей²². К этим ожиданиям добавлялись успехи французских войск, которые взяли Перпиньян в декабре 1642 г. Этот «медовый месяц» не мог длиться вечно. Французские войска, расположившиеся в Каталонии, были немногим лучше кастильских. Их обеспечение создавало такие же проблемы, вызывая недо-

---

²⁰ Sales, 1994.

²¹ Text oficial de l'acta del 23 de gener de 1641 // Dietaris de la Generalitat de Catalunya, vol. V : 1623–1644. Barcelona: Generalitat de Catalunya, 1999. Pp. 1171–1175.

²² Aznar, 2010. P. 268.

вольство крестьян, которые несли основное бремя содержания солдат. Параллельно кастильцы смогли оправиться от первых неудач и нанести ряд поражений французским войскам. Война продолжалась, и Париж столкнулся с теми же проблемами, что и Мадрид: нужны были новые ресурсы, как человеческие, так и материальные. Взять их предполагалось в том числе в Каталонии, чему ни местная элита, ни местное население не были рады. Все эти противоречия усугублялись внутренними проблемами Франции, где в декабре 1642 г. умер кардинал Ришелье — руководитель внешней политики королевства, а через полгода в мае 1643 г. скончался Людовик XIII. Так как его наследник был еще мал и не мог выступать в качестве арбитра, вокруг него разгорелась политическая борьба различных придворных групп. Она негативно сказывалась на государственных делах, в том числе на политике в отношении Каталонии, которая стала заложником противостояния групп французской элиты²³. В результате французы с 1643–1644 гг. стали проводить менее последовательную и более грубую политику: проявлять все меньше уважения к правам и привилегиям Каталонии, требуя от местных властей новых денег и солдат для ведения войны²⁴. Рост недовольства усугублялся конфликтами между разными группами каталонцев, которые пытались опираться на те или иные придворные группировки в Париже. Ситуация еще больше обострилась, когда противостояние во Франции переросло в вооруженную борьбу — фронду 1648–1653 гг. В условиях внутренних конфликтов в Каталонии и Франции Мадрид получил возможность сосредоточить силы на возвращении региона под свою власть. Этому способствовало и заключение в 1648 г. Вестфальского мира, который закончил Тридцатилетнюю войну и высвободил значительные ресурсы. К августу 1651 г. кастильские войска подошли к Барселоне, а в октябре 1652 г. она сдалась. Испанский монарх вернул себе большую часть мятежного региона.

---

²³ Aznar, 2010. P. 268.

²⁴ Jané Checa, 2016.

В Мадриде восприняли переход Каталонии под власть французского короля как измену. При дворе было распространено мнение, что за мятеж следует строго покарать. Несмотря на это, испанская монархия предпочла даровать прощение Каталонии и каталонцам и сохранить все их привилегии и законы²⁵. Такая благосклонность объясняется тем, что война с Францией после взятия Барселоны продолжалась и Мадрид решил не настраивать против себя местную элиту. Даже когда был заключен Пиренейский мир с Францией в 1659 г. и острая необходимость в лояльности приграничной области отпала, ее автономия не была уничтожена. Сохранение каталонских свобод должно было продемонстрировать, насколько лучше относится к этому региону испанский король в сравнении с французским. В той части Каталонии, которая осталась за Францией (Руссильон с городом Перпиньян), Людовик XIV в 1660 г. в нарушение прежних обещаний закрыл местные органы власти и ввел французские органы управления. Испанская же часть Каталонии сохранила права и привилегии.

Хотя внешне все выглядело как возвращение к старым порядкам, на практике власть Кастилии над Каталонией значительно усилилась. Королевские войска теперь находились на ее территории на постоянной основе, что давало вице-королю рычаг реальной власти, которого у него прежде не было. Не удалось и полностью избежать репрессий, несмотря на дарованное Филиппом IV прощение. Они были направлены прежде всего против тех, кто активно сотрудничал с французами и участвовал в переходе Каталонии под их власть. Многие из них, не дожидаясь прихода кастильцев, покинули свои города и перебрались на север в Перпиньян, который остался под властью Франции²⁶. Наказанию подверглись некоторые каталонские символы, которые ассоциировались с самостоятельностью региона. Например, Святую Эулалию, которая считалась покровительницей военного сословия Барселоны (*brazo militar*), заме-

---

²⁵ Serra i Puig, 1997. P. 198.

²⁶ Jané Checa, 2009. P. 92–93.

нили на Деву Милосердия (*Virgen de la Mercé*), которая символизировала спасение Барселоны войсками испанского короля²⁷.

Несмотря на усиление власти короля в Каталонии после Войны жнецов, регион продолжал пользоваться значительной автономией. Такая ситуация сохранялась вплоть до конца века. Каталония потеряла привилегии лишь после войны за испанское наследство, когда вместе с другими частями Арагонской короны выступила против власти новой династии — Бурбонов.

Таким образом, сохранение Каталонией своих прав и привилегий было связано во многом со спецификой образования Арагонской короны как унии отдельных политических единиц. Эта ситуация сохранилась и после того, как Арагонская корона объединилась с Кастилией. В рамках этого союза обе части оставались фактически независимыми государствами со всеми присутствующими им атрибутами: законами, органами управления, денежной системой. Центром новой монархии стала Кастилия, которая обладала большими ресурсами и была более централизована. Ее ведущее положение не слишком волновало каталонскую элиту до начала централизаторской политики. Когда же под тяжестью военных расходов Габсбургская монархия попыталась возложить часть бремени на Каталонию, регион восстал. Была провозглашена независимая республика, которая почти сразу вошла в состав Французского королевства. Однако власть нового монарха создавала те же самые проблемы. И после того, как во Франции начались новые конфликты, Филипп IV смог вернуть потерянный регион. Чтобы обеспечить его лояльность в условиях продолжающегося противостояния с Францией, Мадрид сохранил за Каталонией все ее привилегии, хотя фактически контроль королевской власти был усилен.

Библиография / References

Кузина Н.А. Зарождение и формирование национальных символов Каталонии в рамках Ренаншенсы и их визуальная презентация в XIX в. // Концепт: философия, религия, культура.

---

²⁷ Farias Muñoz, 2018. P. 927.

2021. №5(4). С. 114–130. Kuzina N.A. Zarozhdenie i formirovanie nacional'nyh simvolov Katalonii v ramkah Renashensy i ih vizual'naja reprezentacija v XIX v. // *Koncept: filosofija, religija, kultura*. 2021. №5(4). S. 114–130. [The Origin and Formation of the National Symbols of Catalonia within the Framework of the Renaiença and their Visual Representation in the 19th Century]

Aznar D. La Catalunya borbònica (1641-1659):virreignat i dinàmiques de poder durant el govern de Lluís XIII i Lluís XIV de França al Principat // *Del Tractat dels Pirineus a l'Europa del segle XXI: un model en construcció?: actes del congrés / Jané Checa O.* (coord.) Barcelona: Generalitat de Catalunya, 2010. Pp. 265–280.

Capdevila Muntadas M.A. El proceso de elaboración de la Matrícula de franceses residentes en la costa catalana de 1637 // *Monarquías en conflicto: Linajes y noblezas en la articulación de la monarquía hispánica. Vol. 2 / Fortea Pérez J.I., Gelabert J.E., López Vela R., Postigo Castellanos E.* (coord.) Madrid: Fundación Española de Historia Moderna – Universidad de Cantabria, 2018. Pp. 223–233.

Carretero Zamora J.M. La profecía de una reina o ¿La Suerte de Matías: Consideraciones sobre un periodo de crisis política en Castilla (1498–1518) // *Actas de la VIII Reunión Científica de la Fundación Española de Historia Moderna: (Madrid, 2–4 de junio de 2004).* 2005. Vol. 1. / López-Cordón Cortezo M.V., Franco Rubio G.Á. (coord.) Madrid: Fundación Española de Historia Moderna, 2005. Pp. 35–62.

Clemente Pérez H. Una historia de Aragón en la Historia del reino y corona a la Monarquía Hispánica (siglos XI–XVI) // *Baética: Estudios de Historia Moderna y Contemporánea.* 2019. № 39. Pp. 75–92.

Elliott J. H. La rebelión de los catalanes. Madrid: Siglo XXI, 2014.

Escudero López J. A. Fernando el Católico y la introducción de la Inquisición // *Revista de la Inquisición: (intolerancia y derechos humanos).* 2015. № 19. Pp. 11–24.

Farias Muñoz L. La imagen política de santa Madrona en la Barcelona del Seisciento // *Nuevas perspectivas de investigación en Historia Moderna: economía, sociedad, política y cultura en el mun-*

do hispánico / Pérez Samper M. Á. , Betrán Moya J. L. coord. por Barcelona: Universidad Autónoma de Barcelona, 2018. Pp. 922–932.

Florensa i Soler N. La República catalana de 1641: un foc d'encenalls // Butlletí de la Societat Catalana d'Estudis Històrics. 2004. № 15. Pp. 75–88.

García Cárcel R. La Inquisición en la Corona de Aragón // Revista de la Inquisición: (intolerancia y derechos humanos). 1998. № 7. Pp. 151–163.

García Cárcel R. Pau Claris: la revolta catalana. Barcelona: Dopesa, 1980.

García Sánchez L. La corona "versus" Cataluña: don Fernando de Austria y las polémicas Cortes de Barcelona de 1632 // Pedralbes: Revista d'història moderna. 2008. № 28. Pp. 203–216.

Guerrero Navarrete Y. Monarquías europeas y monarquía tras-támara (1360–1516). Precedentes de un proceso de identificación nacional // La monarquía de las naciones: patria, nación y naturaleza en la monarquía de España / García García B. J., Álvarez-Ossorio Alvaríño A. (coord.). Madrid: Fund. Carlos De Amberes, 2004. Pp. 265–302.

Jané Checa O. L'Exili de la Guerra dels Segadors // Butlletí de la Societat Catalana d'Estudis Històrics. 2009. № 20. Pp. 83–99.

Jané Checa O. Louis XIV et la Catalogne: De la politique au Sud de l'Europe au XVIIe siècle. Perpignan: Presses universitaires de Perpignan, 2016. URL: <http://books.openedition.org/pupvd/41324>.

Jerez J. J. Pensamiento político y reforma institucional durante la guerra de las Comunidades de Castilla (1520–1521). Madrid: Editorial Marcial Pons, 2007.

Mateos Royo J. A. Política estatal y circulación monetaria en la Corona de Aragón durante el siglo XVII la depreciación de la moneda de plata // Studia historica. Historia moderna. 2011. № 33. Pp. 203–234.

Sabaté i Curull F. La organización central de la Corona de Aragón cismarina // La Corona de Aragón en el centro de su historia, 1208–1458: la monarquía aragonesa y los reinos de la corona / Sesma Muñoz J. Á. (coord.) Zaragoza: Universidad de Zaragoza, 2010. Pp. 395–416.

Sales N. Per què l'adquisició del Rosselló és presentada per la historiografia francesa com una conquesta militar més? *Revista de Catalunya*. 1994. № 90. Pp. 23–38.

Serra i Puig E. Catalunya després del 1652: recompenses, censura i repressió // *Pedralbes: Revista d'història moderna*. 1997. № 17. Pp. 191–216.

Serrano Daura J. Carlos I y la Corona de Aragón // *Revista de Dret Històric Català*. 2018. № 17. Pp. 119–172.

Solano Camón E. Poder monárquico y estado pactista (1626–1652): los aragoneses ante la Unión de Armas. Zaragoza: Institución Fernando El Católico, 1987.

Text oficial de l'acta del 23 de gener de 1641 // *Dietaris de la Generalitat de Catalunya*, vol. V : 1623–1644. Barcelone: Generalitat de Catalunya, 1999. Pp. 1171–1175.

Villanueva López J. El debat sobre la Constitució de l'Observança a les Corts catalanes de 1626–1632 // *Manuscrits: Revista d'història moderna*. 1995. № 13. Pp. 247–272.